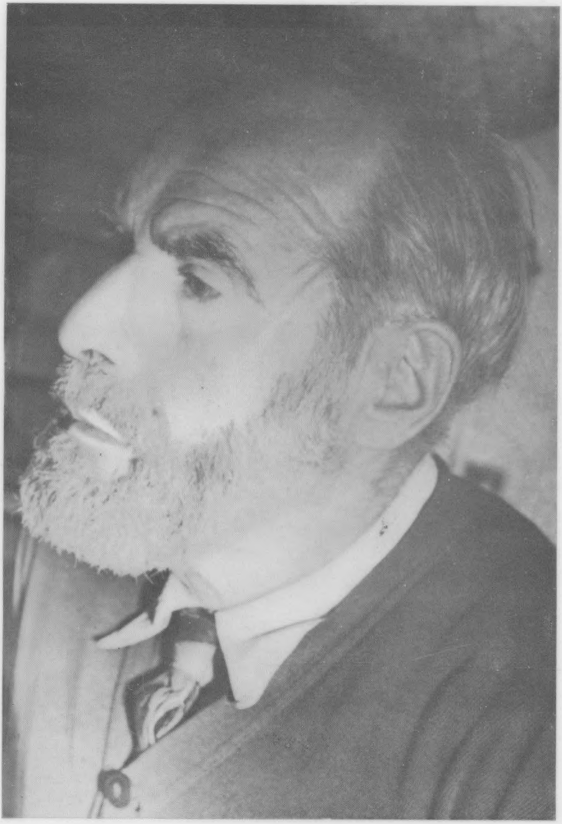
Ив. Новгородъ-Сѣверскій

Степные огни

1964

Ив. Новгородъ-Сѣверскій

Степные огни

Двадцатая книга стихов

1964

Druck: I. Baschkirzew Buchdruckerei, München-Allach,
Peter-Müller-Str. 43.
Printed in Germany.

Посвящается жене моей
Ю. А. Кутыриной

Ив. Новгородъ-Северскій, поэтъ — совершенно особенный, не похожій ни на кого другого, ни на предыдущихъ поэтовъ, ни на своихъ современниковъ, но настоящій Божіей Милостью Поэтъ.

Проф. М. Л. Гофманъ

СТЕПНЫЕ ОГНИ

Въ степи небесный сводъ сближается съ землей,
Такъ много звѣздъ спустившихся къ озерамъ.
Онѣ спѣшатъ веселою гурьбой,
Въ травѣ густой за косогоромъ.

Волшебна вязь изъ нитей златотканныхъ —
Цвѣтовъ и звѣздъ кружащихъ надъ водой.
Вамъ не догнать огней обманныхъ
Ни на конѣ, ни пламенной мечтой!

Лишь манятъ васъ въ пути, уводятъ за собой,
И гаснутъ вдругъ надъ тихою зарницей . . .
Но любо мнѣ, впотьмахъ, подъ волчiй вой
Стремиться къ нимъ ночною птицей!

БЕРЕЗКА

Здравствуй, родная сестричка, березка,
Въ платьицѣ бѣломъ и с русой косой.
Вижу — на листики капнула слезка . . .
Кто тебя тронулъ? Не заяцъ босой?

Мишка, быть можетъ, неловкий Топтыга,
Лапой царапнулъ тебя невзначай.
Или съ шаманами злая шишига
Хвори наслала? . . А ты не серчай!

Въ мірѣ-то тѣсно, въ тайгѣ, что въ сметанѣ.
Всѣхъ помирить не найдешь мудреца.
Мнѣ не завидуй . . . Въ охотничьемъ станѣ
Ищетъ бѣда и меня молодца!

И СУДЬБѢ НЕ ДОГНАТЬ

Гдѣ шагнуть,
Тутъ и путь,
А гдѣ сталъ —
Тутъ и станъ.
И легко дышитъ грудь,
Только плеткой махнуть: —
Поскакалъ, полетѣлъ,
Громко пѣсню запѣлъ...
Эхъ, и степь-то поетъ!
Ни тоски, ни заботъ —
Да о чем и гадать;
И судьбѣ не догнать!

СТЕПНОЙ ТЕРЕМОК

На лугу некошенномъ
Черепъ кѣмъ-то брошенный.
Черепъ былъ поране
Головой бараньей.

Намъ его и надо —
Въ немъ для насъ отрада.
Это вѣдь не кочка . . .
Сядемъ въ уголочкѣ!

Шмель медку наноситъ,
За ночлегъ не спроситъ.
Бражка заведется —
Чарочка найдется!

Ночь и скоротаемъ . . .
Ну-ка, поспрошаемъ: —
— Теремокъ, теремокъ!
— Кто въ теремѣ живетъ?—»

МЫШКИНЫ-САПОЖКИ
(Цвѣтики степные)

Мышкины-сапожки,
Что вы на дорожкѣ?
Вы не подорожникъ,
Васъ намочитъ дождикъ,
Вѣтромъ позакружитъ,
Вьюгою завьюжитъ.
Вы пошли бы дале,
Тамъ бы расцвѣтали —
Въ полѣ на муравкѣ!

ЦВѢТИК АЛЫЙ

Я живу не бродягою сирымъ —
Прочь, печаль, и сомнѣнье, и страхъ:
И въ былинкѣ — Господь, и надъ міромъ,
И во мнѣ, и вотъ въ этихъ стихахъ.

Мнѣ легко на просторѣ поется,
Дышитъ жизнью дорожная пыль.
Въ сердцѣ радость синицею рвется,
И крылаты — душа и костыль.

Притомятся усталые ноги,
Или странницей смерть набредетъ —
Разстелюсь я лужкомъ при дорогѣ . . .
Цвѣтикъ алый прохожій найдетъ!

КУЗНЕЦЫ

Во кузницѣ кузнецы
Да всѣ холостые.
Они куютъ подковочки
Да все золотыя.
— Вы откуда, пареньки,
«Золота достали?—»
— Съ бѣлыхъ ручекъ перстеньки
Дѣвушки бросали!—»

Куютъ кузнецы
Не подковы, а вѣнцы.
По степи гуляютъ —
Свашекъ засылаютъ!

СИНЕГЛАЗКА

— Aconitum excelsum

Синеглазка-волхунокъ,
Ты о чемъ ликуешь?
Переметчивый вьюнокъ,
Ты надъ чѣмъ колдуешь?

Ты кого отнялъ, обнялъ,
Ты кого голубишь,
По дорогѣ перенялъ?
Любишь? Не погубишь?

Что ты дѣлаешь со мной?
Кто тебѣ позволилъ?—
Синеокою волной
Вольность заневолилъ!

ВЪ ШАТРѢ КРЫЛАТОМЪ

Пестрою телушкой убѣгаетъ рѣчка,
Ей гулять охота въ бархатныхъ лугахъ;
Заводью боднула гдѣ-то недалечко,
Гальку разметала въ дикихъ берегахъ.

По озерной глади зори догораютъ.
Табунятся звѣзды, ихъ пасетъ луна.
Тучки, какъ барашки, стадом пробѣгаютъ —
Имъ въ тревогѣ лунной ночью не до сна.

Я въ шатрѣ крылатомъ думы отгоняю:
Намъ живется легче, если не гадать . . .
Все гляжу на сѣверъ, тучки провожаю —
Кажутся родными . . . Мнѣ-ль ихъ не понять?

СТЯГИ

Туча стрѣлы мечетъ,
Степь зигзицей кычитъ —
Сѣдолобый кречетъ
Клегчетъ надъ добычей.

То не кречетъ — вόи,
Подъ червленымъ стягомъ,
Мѣрятся съ ордою,
Бьютъ челомъ варягамъ.

Степи замирились,
Вымерли варяги . . .
Взвились, окрылились
Славы нашей стяги!

ОТСЮДА НОВОЕ

Разбейте цѣпи, вѣтры буйные,
И ты, родная степь, согрѣй.
Спѣшите, рѣки благоструйныя
Омыть разслабленныхъ скорѣй!

Очищусь влагой іорданскою,
Какъ въ силоамскую купель
Я погружусь, лугами странствуя,
Въ бурьян, въ ковыльную кудель.

Не городами правда держится,
Гдѣ жизнь — темница для души.
Отсюда новое забрежжится,
Не знаю . . . Въ бурѣ иль въ тиши!

ВѢТЕРЪ

Вѣтеръ — вольный,
Вѣтеръ — въ крыльяхъ,
Вѣтеръ — смѣлый, боевой.

Онъ не можетъ быть иной:
Онъ въ стремленьяхъ,
Онъ въ усильяхъ,
Онъ порывъ,
Какъ мы с тобой.

Вѣтеръ вѣчно молодой,
Онъ живетъ въ степи раздольной,
Онъ судьбой своей довольный . . .
И не можетъ быть иной!

ВЪ ЖНИВЬѢ ЗОЛОТОМЪ

Въ жнивьѣ золотомъ — паутинка,
Къ отлету спѣшитъ паучокъ.
На солнышкѣ грѣется спинка,
Погожій осенній денекъ.

Подъ парусомъ къ югу взлетаетъ,
Поднялся воздушный челнокъ.
Кто кормчій — летящій не знаетъ,
Но путь неизвѣстный далекъ.

Зачѣмъ и какими краями
Влечетъ вѣтерокъ за собой . . .
А мы . . . Не такіе-ли сами?
Но только съ иною судьбой!

НЕЗАБУДКИ

Снились зимой незабудки...
Лѣтомъ увидѣлъ въ лугахъ,
Свѣтлой дождался минутки:
Синее море въ ногахъ.

Сколько очей бирюзовыхъ,
Крылъ надъ землей голубыхъ.
Даже на тучахъ грозовыхъ
Свѣтлые отблески ихъ.

Ночью взлетятъ хороводы
Этихъ небесныхъ цвѣтовъ,
Выше, подъ самые своды...
Съ ними воспрянуть — готовъ!

ДЖАСЪ КЕЛЬДЫ

Посвящается
женҍ моей
Ю. А. Кутыриной.

Я съ доброй вҍстью — джасъ кельды:
Весна пришла. Поетъ надъ степью.
И ей во слҍдъ, мои слҍды
Кадятъ ея великолҍпью.

Отъ кишлака до кишлака,
Въ кочевья вольныя, улусы
Она пришла издалека —
Разсыпать звҍздъ живыя бусы.

Ихъ обратить для насъ въ цвҍты,
Овҍять радужными снами . . .
Приди, мой другъ, приди и ты
Чтобъ ликовать и грезить съ нами!

ЗЕЛЕНАЯ ОТЧИЗНА

Степная жизнь какъ странница крылата,
И вольный вѣтеръ ей — крестовый братъ!
Не нужно мнѣ ни серебра, ни злата,
Ни городовъ, ни каменныхъ палатъ.

Шатры свои раскину я капризно —
Сегодня здѣсь, а завтра гдѣ-то тамъ . . .
О, степь моя — зеленая отчизна:
Живой вѣнокъ моимъ мечтамъ!

Ты пой со мной, какъ жаворонокъ звонкій,
Струясь привольно сизымъ ковылемъ . . .
И облачкомъ пусть чей-то профиль тонкій
Слѣдитъ за мной и за моимъ конемъ!

ВЬЕТСЯ ТРОПИНКА

Вьется тропинка лукаво,
Рыжей проворной лисицей.
Конь мой, затерянный въ травахъ,
Мчится, распластанной птицей.

Гдѣ онъ опуститъ копыто,
Бѣгъ свой когда остановитъ?
Въ даляхъ грядущее скрыто,
Прошлое въ травахъ потонетъ.

Счастье для насъ въ настоящемъ,
Такъ же, какъ путь — непонятномъ.
Въ этомъ просторѣ кружащемъ
Съ небомъ, как степь, необъятнымъ.

ЗАВОЛОЧЬЕ

— Заволочье, заозерье,
Степь, луга во всѣ концы . . . —»
Такъ до самого поморья,
Разгулявшись на привольи,
Мнѣ трезвонятъ бубенцы.

Мшары, топи и зажоры
Разступились дать просторъ,
Затаясь до встрѣчи скорой.
Кружитъ степь и манитъ взоры
До озеръ, до синихъ горъ.

Городища, староселья
Не пугаютъ, стерегутъ
И дорога — новоселье,
Не забава, не бездѣлье,
А какой-то свѣтлый трудъ.

ЗВѢЗДОТКАННЫЙ ШАТЕРЪ

Рвы, валы, городища, курганы . . .
Не Мамаемъ ли хоженый путь,
И не здесь ли рождалися ханы,
И Орды Золотой караваны
Нашимъ предкамъ навѣяли жуть?

Но отчизна себя сторожила,
Хоть порой и томилась въ цѣпяхъ,
А за Камень-Уралъ не ходила,
И не скоро почуялась сила
Разгуляться на волѣ въ степяхъ.

Кто же здѣсь размышлялъ и работалъ,
И, какъ я вотъ, — оглядывалъ ширь:
земледѣлецъ, пахавшій до пота,
Иль бѣдой пормышляла охота
Да водили стада на пустырь?

Рвы, валы, городища, курганы —
Путь пройденный не мною однимъ
Въ эти дебри и дикія страны . . .
За вѣками вѣка, какъ туманы
Надъ шатромъ звѣздотканнымъ моимъ!

ТРОПЫ СТЕПНЫЯ

Тропы людскія невѣрны въ степи,
Вѣрю я тропамъ звѣринымъ.
Въ степь окунулся, какъ море кипи,
Взвейся полетомъ орлинымъ.

Солнцу ты братъ или ночью бродилъ,
Волку товарищъ походный,
Все хорошо — лишь бы волю любилъ,
Был бы, какъ вѣтеръ свободный.

ИВАНЪ-ДА-МАРЬЯ

Иванъ-да-Марья! Кто не знаетъ —
Цвѣтокъ изъ сказокъ и былинъ.
Иванъ-царевичъ проѣзжаетъ;
Онъ заплутался, онъ одинъ.

Но, вдругъ, встрѣчается Моревна,
Марія, Марья, — словно цвѣтъ! —
Глядитъ прекрасная царевна
И тихо молвитъ: «— Здравствуй, свѣтъ!

«Тебя совсѣмъ я заждалася —
«Ты мой желанный, мой женихъ . . . —»
И вотъ прильнула, обнялася.
Но грянулъ громъ, не стало ихъ.

И тамъ, гдѣ тучка прослезилась,
Расцвѣлъ цвѣтокъ, какъ мужъ с женой.
Навѣки счастье сохранилось
Любви таинственной степной.

ЦВѢТОЧКИ СТЕПНЫЕ

Цвѣточки степные,
Какъ звѣзды ночныя.
Какъ звѣзды на небѣ,
Какъ жемчугъ морской.
Растите хранимы
Нездѣшней рукой!
Васъ сизая тучка
Слезой поливала,
Васъ нѣжныя зори
И солнце ласкало.
Живите, красуясь
Надъ степью, надъ міромъ,
И, вами любуясь,
Не буду я сирымъ!

КОЛОКОЛЬЧИКЪ ДОГОНИТЪ МЕНЯ

Шорохъ травъ убаюкалъ меня,
Утомилъ, укачалъ добрый конь.
Колокольчикъ, задорно звеня,
Пробуждаетъ мой прежній огонь.

Заметался цвѣтокъ голубой: —
« — Поскорѣе проснись!» — он поетъ:
« — Видишь, я тороплюсь за тобой,
«Снова солнце надъ нами взойдетъ.

Мнѣ бы крылья твои, да коня,
Да весенній пѣвучій твой стихъ . . . —»
Колокольчикъ догонитъ меня,
Будетъ солнце лелѣять двоихъ!

ЧТО СО МНОЮ?

У кого какая доля:
Кто охотникъ, кто рыбакъ;
Кто пасетъ табунъ на волѣ.
И живетъ въ широкомъ полѣ,
Гдѣ ковыль да буеракъ!

По степи я, какъ морякъ,
Вдаль стремлюсь, предавъ забвенью
Тѣсный городъ и людей.
Здѣсь какой-то чародѣй
Снова мнѣ подсыпалъ зелья.

Я не знаю, что со мною . . .
Не просторъ ли такъ пьянитъ?
Степь уводитъ за собою . . .
И, сіяя надо мною,
Путь мой солнце золотитъ!

СТЕПЬ МОЯ

Надъ мірами міры, а надъ ними
Вседержащій и благостный Богъ
Но созвѣздья не станутъ родными —
Я любовью къ тебѣ изнемогъ.

И цѣлую тропинку, прощаясь,
Уходя въ предуказанный путь;
А къ росинкамъ едва прикасаюсь,
Ихъ боясь, какъ моря, всколыхнуть.

Степь моя! Перестань улыбаться,
Замолчи подъ зеленой фатой —
Мнѣ съ надмірностью легче разстаться,
Чѣмъ съ твоею земной красотой!

КАКЪ ЭТИ ВАСИЛЬКИ

Что утро дастъ — на то Господня воля.
А ночь идетъ. Оконченъ дальній путь.
Вокругъ меня — каймой зеленой поле.
Шумитъ трава. Я не могу заснуть.

Мнѣ кажется, что я со степью слился —
Глаза мои, какъ будто васильки,
И я ковромъ широкимъ разстелился
Какъ этотъ лугъ, какъ эти васильки.

Что я кузнечикъ съ маленькою скрипкой,
Свои стихи кую малюсенькимъ смычкомъ.
И мнѣ Христосъ сіяющій улыбкой,
Изъ лилій полевыхъ устроилъ свѣтлый домъ!

ОТЗВЕНѢЛЪ КОЛОКОЛЬЧИКЪ

Отзвенѣлъ колокольчикъ во ржи,
Будто колосъ созрѣвшій поникъ.
Я склонился надъ нимъ у межи
И къ усталой головкѣ приникъ.

Чѣмъ лазурная чаша полна?
Тамъ мірокъ для его дѣтворы,
Въ колыбелькѣ лежатъ семена,
Дожидаясь весенней поры.

Отгуляетъ зима по лугамъ,
Ручейками снѣга задымятъ.
И опять колокольчики намъ
Запоютъ по степи, зазвенятъ!

СТЕПНОЙ ПРОСТОРЪ

Въ степи и солнце свѣтитъ веселѣй,
Какой просторъ ему среди полей,
Какая ширь, какая всюду гладь —
Оно здѣсь можетъ каждого обнять.

Въ его лучахъ и облако степей
Еще прекраснѣй грезою своей,
И вѣтеръ вольный, мой крестовый братъ,
Поетъ беспечный, и какъ я — крылатъ!

ПОЗДНІЯ ПЧЕЛКИ

Поздній пчелки летають,
Ищутъ послѣдній медокъ.
Лапкой цвѣтокъ разгребаютъ:
Въ осень медокъ-то — ледокъ!

Солнышко грѣетъ несмѣло,
Инеемъ росы легли.
Птичья страда закипѣла,
Въ небѣ летятъ журавли.

Стайками сбились пичуги,
Тоже къ отлету спѣшатъ,
Что-то щебечутъ о югѣ —
Думы мои ворошатъ!

ТАБУНЪ СТЕПНОЙ

Табунъ степной! Подъ нимъ грохочетъ громъ
То стонетъ даль, копытомъ сотрясаясь?
Нѣтъ, онъ едва земли касаясь,
Слегка пылитъ, какъ будто бы крыломъ.

Летитъ и дышитъ пламеннымъ огнемъ,
Поднявши голову, развѣявъ гривы
Воздушный и какъ смерчъ красивый.
Мы, слившись съ нимъ, просторъ и волю пьемъ.

ЛѢТО ГОСПОДНЕ

Зори всегда окрыляютъ,
Въ зоряхъ — рожденіе свѣта.
Радостно ждать заставляютъ
Солнца луча и привѣта.

Вспыхни, заря-багряница,
Ярко играя огнями!
Солнца блеснетъ колесница,
Дни загорятся за днями.

Зорь нескончаемой цѣпью
Благостно лѣто Господне...
Зорькѣ надъ спящею степью
Я помолился сегодня!

СКАЧУТЪ КОНИ

Скачутъ кони — въ лентахъ гривы,
Въ позолотѣ бубенцы.
Мимо — пашни, копны, ивы,
Бойкой рѣчки переливы,
Степь, луга во всѣ концы!

Не охватишь зоркимъ глазомъ
Звонкій путь моихъ коней.
Подхватили дружно, разомъ,
Надъ осокой, по надъ вязомъ —
Прямикомъ всегда вѣрнѣй!

Не сорваться-бы въ полетѣ.
Не загнать бы коренной.
Что тамъ: лѣшій на болотѣ,
Полевикъ въ какой заботѣ,
Иль варнакъ бредетъ больной?

Все равно — садись, попутный!
Подвезу . . . Да пѣсни пой!
Что, ослабъ отъ доли мутной?
Не бѣда, что ты безпутный —
Будетъ жизнь твоя иной!

ЭЙ, ВЫ НУ-ЛИ...

Громъ бубенчиковъ и пѣсня:
«— Эй, вы, ну-ли, гривачи! —»
Нѣтъ поры зимы чудеснѣй.
Воъ попробуй, помолчи.

Запоютъ тогда полозья,
Въ лунныхъ струяхъ звонкій слѣдъ.
Снѣгъ пылаетъ на морозѣ
Будто стужи вовсе нѣтъ.

Степь цвѣткомъ раскрылась жаркимъ,
Лепестковый хороводъ.
Нѣтъ числа созвѣздьямъ яркимъ —
Подъ санями — небосводъ!

ТПРУ, ТЫ!

Тпру, ты! Ну, ты!
Дуги гнуты,
Колокольчикъ подъ дугой.
Не молчитъ онъ ни минуты,
Всѣ мнѣ думы перепуталъ . . .
Погодилъ бы день-другой!

Впрочемъ, он дорогой дальней
Въ каждой пѣсенкѣ иной.
Путь блеститъ холодной сталью,
Но снѣга пуховой шалью
Разстилаются за мной.

Колокольчикъ нынче веселъ,
Въ мѣдной трели звѣздный взлетъ . .
Даже мѣсяцъ рожки свѣсилъ,
Подъ дугою ихъ повѣсилъ —
Съ колокольчикомъ поетъ!

СТЕПНАЯ ТРОЙКА

Парень съ ярмарки несется.
Птица-тройка. Кони вскачь.
За телѣгой бойко вьется
Пыли солнечный кумачъ.

Въ сердцѣ звонко что-то бьется,
Рвется тройка — манитъ высь.
— «Расшибу, кто попадется . . .
«Эй, прохожій, берегись! —»

Степь мала и небо тѣсно
Послѣ праздничной гульбы . . .
И шайтану неизвѣстно,
Гдѣ конецъ лихой гоньбы!

СТЕПНАЯ МЯСЛЯНИЦА

Степь на масляной въ тревогѣ,
Зимнiй кончился укладъ.
По развалистой дорогѣ
Кони весело спѣшатъ,

Въ путь послѣднiй по распутью,
Во сметанѣ, въ киселѣ . . .
Распушила верба прутья —,
Блинный праздникъ на селѣ.

Размотало, укачало
Отъ ухабовъ и блиновъ.
Рады дѣвки, любо бабамъ,
Что апрѣль, какъ блинъ готовъ!

ПОРОША

«— Выпала пороша!—» Какъ отрадно слово.
Первая пороша, что лебяжій пухъ.
По степи хорошей и какой-то новой,
Мчуся безтолковый — захватило духъ!

Воздухъ слаще меда, звонкій да ядреный.
Сани, что картинка. Маковъ цвѣтъ — дуга.
За тайгой зеленой, за рѣкой Студеной,
Показался мѣсяцъ — золоты рога.

Славно быть на волѣ, въ серебристомъ полѣ,
Надъ порошей бѣлой ладить санный путь.
Кони — птица тройка, въ дали рвется бойко . . .
Я и самъ-то смѣлый и живой, какъ ртуть!

НА МАСЛЯНОЙ

Кони въ розанахъ, и дуги.
Перезвоны-бубенцы.
Эй, вы соколы, вы други!
Шлеи шелковы, подпруги,
Блинъ, блиночки да блинцы.

Шире масляной недѣли
Вамъ въ году не видѣть дней.
Колокольчикъ въ мѣдной трели
Будто жаворонокъ въ апрѣлѣ . . .
Эй, вы кони! Веселѣй!

По веснѣ въ луга пойдете
Свѣтъ Егорья привѣчать.
И теперь-то онъ въ заботѣ . . .
Глянь, въ кошевкѣ, не въ кіотѣ
Ѣдетъ масляну встрѣчать!

ЧЕРТОПОЛОХЪ

Чертополохъ . . . Какое слово!
Такъ названъ не плохой цвѣтокъ,
Колючій, правда, и суровый,
Какъ я — онъ въ жизни одинокъ.

Меня роднятъ съ чертополохомъ
Размахъ степей и ширь небесъ.
Я брежу сѣвернымъ сполохомъ,
Но и за нимъ страна чудесъ.

Мой дикій спутникъ, нелюдимый,
Мой вѣрный стражъ, зеленый ежъ!
Храни просторъ непроходимый . . .
Свобода тамъ, гдѣ ты цвѣтешь!

МАННИКЪ ЛУГОВОЙ

(Festuca ovina)

Манникъ — манитъ, увлекая . . .
Онъ уводитъ за собой,
Онъ головкою киваетъ,
Напѣваетъ: «— Ты ужъ мой!

Я вѣдь манникъ, я вѣдь мана,
Я волшебная свирѣль —
Ты не выйдешь изъ тумана,
Изъ степного океана:

Я не лодка — колыбель!
Я волною голубою
Закружусь надъ головой,
Луннымъ маревомъ укрою:
Я вѣдь манникъ луговой!—»

КАНЮКЪ

Сарычъ-ли, коршунъ —
Кто склюетъ, не знаю,
Мой трупъ въ степи,
И кто подыметъ кличъ:
Злой воронъ-ли, на тризну собирая,

Или канюкъ?
Но ты, канюкъ — не хнычь:
Пируй, я самъ на трупъ сзываю,
Я не хочу, чтобъ зря онъ пропадалъ,

Питайся и не кайся,
И мнѣ не удивляйся,
Что я летаю выше тучъ,
Что обгоняю солнца лучъ.
А хватитъ силъ: —
За мною поднимайся!

Я — СКИФЪ

Я — скифъ. Мнѣ кажется порой:
Скачу въ степи, номадъ раскосый.
И къ морю тянутъ альбатросы.
Мой буйный таборъ за горой.

Я слышу псовъ протяжный вой,
Тамъ пахнетъ жареной кониной,
И зорко, съ ловкостью звѣриной,
Къ врагу крадется пращуръ мой.

Стрѣла летитъ надъ головой
Пѣвучей вѣстницей крылатой . . .
Я легiоновъ вижу латы
И, какъ на пиръ, пускаюсь въ бой!

ПОЛЕ, ПОЛЕ . . .

Поле, поле . . . Въ дикой волѣ
Бродитъ вѣтеръ лишь одинъ
Да киргизъ, покорный долѣ —
Рабъ степей и господинъ.

Синій- синій, васильковый
И безбрежный океанъ.
И нетронутый подковой
Алыхъ маковъ звѣздный станъ.

Ѣду, ѣду — слѣда нѣту,
Я, какъ въ лодкѣ, на конѣ,
И плыву навстрѣчу лѣту . . .
Звѣзды въ полѣ и во мнѣ!

ВЪ КРУГУ ВОЛШЕБНОМЪ

Ордою дудошникъ высокій,
Бѣлоголовый и густой,
Не уступаетъ степь осокѣ,
То въ серебрѣ, то золотой.

И повиликой перевитый
Онъ сторожитъ мои слѣды,
А я скачу тропой забытой
И отъ людей, и отъ бѣды.

Я затерялся въ звѣздномъ морѣ,
Въ лугахъ широкихъ заливныхъ,
Въ шатрахъ какихъ-то кружевныхъ,
Въ кругу волшебномъ, въ наговорѣ!

КЫРЛЫКЪ ЦВѢТЕТЪ

(Кырлыкъ — дикая греча, polygonum tataricum).

Кырлыкъ цвѣтетъ,
Греча-дикуха.
Въ духмяныхъ розовыхъ огняхъ
По зорямъ пчелья завируха,
И гудъ шмелиный ловитъ ухо,
Какъ дальній громъ
Въ іюльскихъ дняхъ.

КУРАЙ

(Salsola, перекати-поле).

Куда ты катишься, курай,
Въ какой далекій новый край?
Хоть и безъ ногъ,
Но ты — ходокъ.

Ты, изогнувшись колесомъ,
Уносишь будто-бы крыломъ
Для новой жизни сѣмена.
И не моя-ли въ томъ вина,

Что конь на стебель наступилъ,
Что конь мой жизнь не пощадилъ?
Стой, вороной, крыла не тронь,
Гуляй, курай — крылатый конь!

ЛЮТИКЪ

(Aconitum napellus).

Цвѣтикъ-лютикъ! Ты не лютый,
Ты лишь знойно-голубой!
Какъ назвать тебя? Анютой?
Но анютинъ цвѣтъ иной.

Вѣдь Анюта: цвѣтикъ-глазки,
И Анюта хороша . . .
Ты неистовъ въ гнѣвѣ, въ ласкѣ,
Лютикъ, ты: — моя душа!

СВЯЩЕННЫЙ ЛОТОСЪ

Священный лотосъ въ дельтѣ Волги
По заповѣдникамъ цвѣтетъ.
Житейскій путь мой, дивно-долгій,
Въ мою судьбу его вплететъ.

Мои степные караваны
Спѣшатъ тропинкой голубой
За грань вѣковъ, гдѣ звѣздъ туманы,
Не тронувъ тучи подъ собой,

Какъ легкій шелестъ лепестковый
Уйдутъ, отдавшись высотѣ,
Растаютъ тамъ для жизни новой
Въ еще незримой красотѣ.

ВЪ СОЛНЕЧНОЙ РОЗСЫПИ

Душиста горечь чебреца
И бирюзова пыль полыни,
И даже ржанье жеребца
Звучитъ какъ музыка понынѣ.

А знойный топотъ кобылицъ —
Не солнце-ль рухнуло дробяся?
Закрой глаза и падай ницъ: —
Земля на небо вознеслася!

ЧТО ТАМЪ ДУМАТЬ?

Что тамъ думать . . . Въ легкомъ бѣгѣ
Восхитительна ѣзда.
Безъ сѣдла и безъ телѣги,
Какъ узбекъ въ лихомъ набѣгѣ —
Вѣтеръ, грива да узда.

Вамъ за мною не угнаться
Въ эти вольные края.
Здѣсь лишь тучи могутъ мчаться
Да коврами разстилаться
Степь зеленая моя.

Вонъ попутчикъ — стрепетъ дикій!
Окомъ зоркимъ ищетъ дичь.
Надъ цвѣтами повилики
День ликуетъ огнеликій
И побѣдный кличетъ кличъ!

ДОЛЯ МОЯ

Вѣтеръ скиталецъ — пѣвучій как я,
Вѣтровы пѣсни о волѣ.
Съ вѣтромъ разгуливать доля моя,
Домъ мой — широкое поле.

Сладокъ мнѣ отдыхъ подъ звѣзднымъ
шатромъ,
Легокъ и путь по долинамъ.
Свѣтитъ-ли солнце, грохочетъ-ли громъ —
Съ вѣтромъ я въ летѣ орлиномъ!

КРЕЧЕТЪ

Вѣтеръ свищетъ,
Воетъ . . .
Клегчетъ кречетъ —
Воли ищетъ
По степи, раздолью.

Ѣду краемъ, надъ межею,
Васильковымъ полемъ . . .
Вольный кречетъ!
Я съ тобою —
Я пою о волѣ!

СВѢТОЦВѢТЪ

24-го іюня
Ивановъ день.

Свѣтоцвѣты въ лугахъ, свѣтляки...
Это чары Ивановой ночи!
Молодыми глядятъ земляки,
И у нихъ загорѣлися очи.

У костровъ, какъ въ степи у цыганъ,
Всей деревней пошли веселиться,
Будто снится мнѣ сказочный станъ...
Не жарцвѣту-ль теперь распустится?

ОРДА ИДЕТЪ

Вотъ глашникъ луговой — пырей высокій
Вотъ дивій боръ, а вотъ и лисій хвостъ:
Трава такая, вдаль зеленый мостъ,
А ниже — заросли родной осоки.

Шумитъ волна, кипучая парча,
Зеленый океанъ лугами заливными,
Порой, какъ шелкъ, а то, какъ епанча . . .
Орда идетъ просторами степными!

СТЕПНЫЯ ЗВѢЗДЫ

Вольнымъ бродяга не страшенъ...
Здравствуй, кочующій братъ!
Въ цѣпи селеній и пашенъ
Хочешь вернуться назадъ?

Нетъ? Ну тогда принимайся
Строить шалашъ надъ рѣкой.
Солнцу въ степи улыбайся,
Звѣзды потрогай рукой.

Молви, себя утѣшая: —
«— Имъ, какъ и намъ — кочевать!»
Вольному радость большая
С ними въ пути ночевать...

СНѢЖНОЕ ВИНО

Надо мною вѣютъ лепесточки.
Тамъ іюнь, въ лазурныхъ небесахъ —
Отцвѣли не звѣзды-ли цвѣточки . . .
Дивенъ Богъ, творящій въ чудесахъ!

Вотъ нависли гроздья винограда,
Гдѣ-то осень блещетъ подъ луной,
И пшеница, ангеловъ отрада
Колосится нивой неземной.

По степи, какъ въ кружевѣ — поденка
Машетъ вѣтру шелковымъ крыломъ.
И чуть слышно шепчетъ мнѣ поземка: —
«— Будь, какъ мы — доволенъ каждымъ днемъ! —»

Не поземка, рѣки искръ текучихъ,
Звѣзды расплескавшій Млечный Путь.
Въ снѣжныхъ тучахъ, яркихъ и летучихъ,
Хорошо бы молніей мелькнуть.

Грянетъ громъ и всѣ цвѣты разсыплетъ.
Упадутъ они на степь дождемъ . . .
Не спѣши, бокалъ еще не выпитъ
Съ этимъ снѣжнымъ молодымъ виномъ!

ВЕЧЕРНЯЯ СТЕПЬ

Какъ свѣчки суслики торчатъ,
Стоятъ въ травѣ на заднихъ лапкахъ.
На насъ опасливо глядятъ:
«— Что за народъ въ лохматыхъ шапкахъ?—»

Съ разгону дрофы поднялись,
Лѣнивымъ медленнымъ полетомъ.
Не манитъ ихъ степная высь —
Насталъ конецъ дневнымъ заботамъ.

Степь вечерѣетъ въ бирюзѣ,
Скрывая дали въ сизой дымкѣ.
Гадать не надо — быть грозѣ . . .
Но мы . . . доскачемъ до заимки!

КОСТРЫ

Вдали костры — какъ-будто звѣзды . .
Кто тамъ ночуетъ, у рѣки?
Да съ табунами казаки
Позапоздали въ день морозный.

Съ привала слышны голоса.
Мелькаютъ тѣни, словно птицы.
Снѣговъ алмазныхъ полоса
Кострами жаркими огнится.

Но вотъ подъѣхали къ шатрамъ:
«— Здорово были! Какъ ночуемъ?—»
И дружно отвѣчаютъ намъ:
«— Да ладно, будто — не горюемъ!»—

ЖАБРЕЙ

(Мышинный хлѣбецъ).

Жабрей какъ нива колосится...
Какой же сѣятель степной,
Кузнечикъ, заяцъ иль синица,
Сбираетъ колосъ наливной?

Онѣ не сѣютъ и не жнутъ...
Мышиный хлѣбецъ... Лапки мышки —
О нихъ стихи поэтъ напишетъ —
«Не съ ними ль я дѣлю пріютъ...—»

ЦВѢТОЧАРЫ

Цвѣточки по цвѣточному глядятъ,
Такъ тиховѣйно, тонкоцвѣтно,
И всё мѣняютъ неприметно —
Они безъ крыльевъ, но летятъ,
Весь міръ уносятъ незаметно.

Я растворяюсь въ ихъ огнѣ,
Но онъ не жгучій, не холодный,
Какъ будто въ сердцѣ, а не внѣ,
Ни съ чѣмъ пылающимъ не сходный . . .
Такъ свѣтятъ звѣзды лишь однѣ!

ТРАВА ЧЕРНОГРИВЪ

Черногривъ весною былъ
Травкою зеленой.
Кто его теперь покрылъ
Черною попоной?

Черногриву вышелъ срокъ
Гарцовать надъ нивой,
Вѣетъ лѣтній вѣтерокъ,
Развиваетъ гривой.

Разметались сѣмена
Топотомъ игривымъ —
Искрометная волна
Новыхъ черногривовъ!

ШПАЖНИКЪ

(Gladiolus).

Шпажникъ-травка . . .
Онъ со шпагой,
Онъ какъ рыцарь полевой,
Онъ бѣдовый,
Онъ съ отвагой,
Онъ не выдастъ съ головой.

Шпажникъ-травка,
Вынь-ка шпагу,
Стань-ка въ позѣ боевой —
Я въ тиши вотъ здѣсь прилягу . . .
Ты укрой меня, бродягу,
Отъ судьбины роковой!

КОВЫЛЬ-ГРАДЪ

Степной рѣки лѣнивые изгибы,
Какъ будто нехотя ушедшей отъ луговъ,
Пятнистыя стада развалистыхъ коровъ
И стайки краснoперой рыбы . . .

Я вижу все не въ грезахъ — наяву,
И ароматъ цвѣтовъ душистый обоняя,
И подъ собою чувствуя траву,
Кого-то степью быстро обгоняю.

Несетъ меня стрѣлою дикій конь,
Въ страну чудесъ, къ степному Ковыль-
Граду . . .
Колышатся шатры. Я вижу юртъ огонь.
Я слышу пѣснь степей въ награду!

СОДЕРЖАНІЕ

Того же автора вышли слѣдующіе сборники:

Аргышъ; Тундра; Арктика; Айсберги; Шаманы; Чумъ; Заполярье; Пески поютъ; Ковыль да поле; Тайга; Сѣверные цвѣты; Дунюшка Дуняша (из цикла Деревенька); Самоцвѣты; Пророки (из цикла Библейскіе напѣвы); Пѣснь пѣсней (то же); Благовѣстіе (то же); Аве Марія; Созвѣздія; Чудны Лики Твои Пресвятая; Степные огни; Сказки сибирскіе, легенды о Божіей Матери (проза).

Сборники готовые къ печати (стихи):

Вершины; Таежныя тропы; Пескамъ моимъ; Сѣверное посланіе; Безсмертіе Прошлого; Святцы; Корейскія пѣсни; Бурятскія пѣсни; Якутскія пѣсни; Восточныя легенды; Сказочный кладъ Алтая; Моя Сибирь (Замѣчательные люди Сибири, таежные разсказы о сибирскихъ монастыряхъ).

Готовы къ печати (проза):

Мои астрономическіе вечера; Очерки объ ушедшихъ поэтахъ.